

Без форсажа

Экран и сцена — 1999-2000 — №52 — С.4-5

Ирина СОЛОВЬЕВА

В начале декабря санкт-петербургский театр имени Пушкина — в дружеском просторечии Александрин — начал гастрели в Москве. Случилось это после добровольного заезда, в котором театр пребывал не один год и с которым энергично и с немалым успехом растащится. Открыл гастрели "Борис Годунов" ("Эс" тисала о спектакле в № 48), которые были встречены с интересом и вниманием.

"Экран и сцена" обратилась к критике Ирине Соловьевой, чей авторитет в кругу театралов людей и людей, увлеченных театром, ценится чрезвычайно высоко, с просьбой ответить на несколько вопросов, связанных с пребыванием петербуржцев в столице.

Если можно, я бы начала, с ответа на вопрос, который задан последним. Имя кажется, что Александринскому театру (приятно называть его так!) — если только позволено судить о нем по гастрольным спектаклям — удаётся вещь очень важная. Они работают спокойно.

Им на пользу — кажется мне — то, что им сегодня не приходится соотноситься с собственной прекрасной тенью; их не мучает призраки великих спектаклей на той же сцене. Великий спектакль тут не было давно. Великой театральной общице цели всего театра не было, кажется, никогда.

Соотносится "александринцам" сегодня приходится разве что с днями их домов, с присутствием архитектора Карла Росси, с заданными Росси чувствам меры и пропорции. Если что объединяет увиденные спектакли, то именно это: стоящие за ними чувства меры, пропорциональность усилия предмету, к которому усилие приложено. Один спектакль лучше, другой хуже, один плотнее, другой — ну, что ли — несомненно, задания самые разные, даже пестрые, но силы и средства с заданием соотносятся почти всегда верно. Точней и оттого красивый расчёт — это из уроков архитектуры. И готовность повиноваться заданию — это тоже из уроков архитектуры. Не будешь же строить церкви, если просят доходный дом или садовую беседочку.

К стилистике привезённых в Москву работ "присутствие

Росси" отношения не имеет, — да в них и нет единой стилистики. Напротив того, в этих работах можно предположить неглупую, хорошо обдуманную установку на разнообразие.

Раз уж я позволила себе заговорить "на архитектурные темы", может быть, разрешите ещё один пассаж.

Александринский театр смотрит через довольно большой скаер на здание, стоящее напротив, — и не морщится, не хочет ни бежать со своего места, ни требовать сноса этого процветшего всеми бронеами и стеклами, извитого, манерного, богатого дома Елизеева. Александринский театр почти любит его, и почему бы не любоваться: "Уд-ный ведь по своему дом, а магазин какой хороший."

В богатых особняках, что современны тому "дому напротив" и что его постарше, владельцы любили отделять каждую комнату в другом стиле. Я помню, как это все клеймили — купеческое безвкусице, ужасная электи-ка. Усилиями умных искусствоведов, а может и самими хо-дом времени внесена поправка: электике, да и что ужас-ного? По своему целостный стиль. Со своими шедеврами.

Так если вернуться к впечатлениям от недавно закон-чившихся в Москве больших гастрелей: "александринцы" из вечера в вечер водили нас как бы по разным комнатам. Каждая обставлена на свой лад.

Притом это комнаты в одном доме. Выделим интонаци-онно: в одном.

Еще огорка: это вовсе не тот случай, когда внутри одного театра, враждующ с ним или мучительно осязая связь, вызывает новый театр с отдельными от прежнего художественными признаками и целями. Нет, вовсе не тот случай. Во всей пестроты увиденного Александрин-ский театр предстал москвичам таким же по-своему цел-стным, как те прекрасно приспособленные для наряд-ной и удобной жизни богатые дома, шедевры и шедевре-ры электики.

Если строгий читатель затопает на меня — как это можно проповедовать электику, — так ведь я не пропове-дую. Я констатирую. И позволяю себе получать удоволь-ствие и от соразроченного, медлительного, вдумчивого движения спектакля Р.Горькая "Три сестры", тонкого в разгадках материи провинциального быта и острых реф-лексов декадентства, уже подрачаивающих этот быт, —

как позволяю себе получать удовольствие от "Пигмалио-на" А.Белинского, с его пушистыми страусовыми перьями, с его шорохом лондонского театрального развезда, с но-той чаплинщины в том, как решена Элиза (скорее бро-джика, чем цветочница), с простояроченной теплотой при-надорной лужничности в развитии фабулы и при фар-совом отыгрывании трансформаций персонажей. На "Пиг-малиона" (я выдела на втором представлении его в Моск-ве) в самом деле было полно, хотя лоуры оставались вроде бы вне опасности. Так ведь любимая в России пве-са! Так ведь режиссер, с которым все насильяны! И пве-са — что называется — "эго". Ей-Богу, удовольствие я по-лучаю не в пику литературным коллегам-критикам, если они "Пигмалиона" обругали. А правда, дулши? я не читала. Мне, кстати, Николай Буров, который играет профессора Хитина, понравился и в "Хозяйке гостиницы", в роли Ка-валера — такая забавная вариация женоненавистника.

Вы спросили, чем оилна Александринка? Астерами несомненно оилна. Астеры поближе, о какой-то сменой техники для разных задач — и в исполнении каждой за-дачи всякий раз обаятельные. Как обаятельная Наталья Панина — прерафаэлитская гибкая красавица с тяжелы-ми рыжими волосами, нарвно деркая, органически "де-кадентная" Маши в "Трёх сестрах", и совершенно иной строи, иная техника, иная мера театральности (созна-тельно усвоенная, пританцовывающая) — в "Хозяйке гостиницы" В.Воробьева. И Александр Баргман (какой Ту-занба!) этого же с ходу, в интервью, не раскожешся, а на-до бы. И какой Фабрицио совершенно другой, и опять от-лично; в громадском, перегруженном режиссерскими на-мерениями и не убеждающим "Борисе Годунове", если что хорошо — то его, Баргмана, задержавший себя бо-леей Самозванец). И сколько еще... Именно актеры — с их готовностью и желанием предать всякий раз в ином ка-честве, с их согласием быть воском в руках сменяющихся режиссеров и с их лукавыми знаниями, что они все равно главные и все будет так, как они захотят, — именно акте-ры обеспечивают то, что мы уже назвали целостностью этого беспрограммного театра.

Электика у нас в России в XIX века была стилем не-допеченным. Ее быстро сменила архитектура модерна с ее глубинным утилизмом, с ее тайными высокими надид-ками. Безыдеальной электике у нас всегда не на чем бу-дет зацепиться, это стиль слишком буржуазный в широ-ком смысле слова; его всегда оттоесот стиль, претенду-ющий наладить на жизнь в своей хорошей квартире, на об-щее мироустройство (меньших претензий мы не любим).

Тут мы подбираемся к вашим первым двум вопросам. Ведь в сущности вы спрашиваете — почему театр не обра-

щается к насущным жизненным темам на материале со-временных ли пьес, на материале ли классици, историче-ской драмы. Да нет, вроде бы обращается. Ставят "Бори-са Годунова" — ведь не для того же только, чтобы в фи-нале под медленно выпрыгивающейся, вздымающейся аркой с немymi колоколом провести процессию в фанта-стический "возрожденский" костюмах; ставят выборы из огромной пьесы Ф.Горенштейна о царе Петра и царице-Челаксе — ведь не для того же только, чтобы как ме-тафору так и сик повораживать огромный деревянный ос-тов строящегося Петровского корабля, он же — чудовищ-ные ребра скелета, он же — образ застенка. Наверняка, тут было именно то стремление к актуальности, без кото-рого мы не умеем уважать театр. Иное дело — говорю только о себе — что ни в том, ни в другом спектакле не от-крылось какой-то мысли, необходимой в своей новизне в сегодняшнем нравственном обиходе — хотя бы в мове, а-ли не страны.

Может быть, нам на сцене нужна не актуальность, а что-то иное?

Только храни Бог тужиться и силиться в поисках этого иного. В Александринском театре, как можно понять, изоб-гают таких форсировок. И хорошо.

Вот яи вспомнил не столь далекие времена, когда именно классици гасрила о том, что хотел слышать зал. И спрашивает: может быть, так обстоит дело и сегодня? Не знаю. Не знаю, что хочет слышать зал и не пора ли ска-зать ему, уважительно, тысячному залу то, чего он слы-шать не хочет. Но вряд ли в том может быть миссия Алек-сандринского театра. Или миссия театра вообще. Театр ведь никогда не противостоял обществу. Противостоял может отдельный человек — поэт, пророк, мученик, само-сожженец. А театр исходно не задуман как самосожже-нец. Что об этом... Давайте о другом. И вообще пора закон-чить.

Нам дали билет, там есть список репертуара — ставят и современных авторов, ставят. Кстати, "Орнитологи" я там не нашла. Есть и Н.Пушкина, и Б.Равур. Вы бы хотели, что-бы привезли? Вы имеете в зало название пьес, которые хотели бы увидеть здесь поставленными? Я — не имею.

Среди из спектаклей "Три сестры" Чебулкин — Виктор Смирнов
Ирина — Виктор Сушко
Маши — Наталья Панина
Фота В.КРАСИКОВА

Из 13 показанных спектаклей только один был постав-лен по современной пьесе — имено в виду "Орнитологи" Александра Струганова. В чем причина? А.Товстогон как-то сказал, что совершенные ему пьесы ставят инте-расные проблемы, но решают их с точки зрения художе-ственной гораздо менее интересно.

Как считатья вы?

И — ато второй вопрос — может ли сочинение на истори-ческую тему, или классици, быть столь же актуальным, как то, что создано сегодня? Мы помним не столь дале-кие времена, когда именно классици говорила о том, что хотел слышать зал. Может быть, так обстоит дело и сего-дня?

Несколько я знаю, на одном из спектаклей публики, что называется, "висела на люстрах". Имено в виду "Пигмали-он", поставленный Александром Беликовым. Петербур-ская критика встретила его, что тоже не секрет, прохлад-но.

Не хочу утверждать, что зритель (зрители) всегда прав. Языком критики между сторонами гораздо более тонкие и сложные, но я думаю, что этой нестыковки ас-ветил не хотелось бы. Вещи мнения?

Что, на ваш взгляд, больше удивляет Театру имени Пуш-кина? В чем на сегодня его сила и его слабость?

С-110.
от Ирины